

Едва не расколотый лотосовый трон медленно восстанавливался, впитывая живительную духовную энергию.

Ли Ханьсин ощутил, как пилюля Возврата разлилась по телу послушной, но мощной силой, постепенно сгущаясь в прозрачное Золотое Ядро. После десяти полных циклов техники Северного Ковша ядро окончательно уплотнилось и прочно закрепилось на лотосовом троне.

— Молодой господин, получилось! — закричал Ли Го, и голос его сорвался.

С тех пор как Ли Ханьсина лишили культивации, мальчик успел сполна наглядеться на истинное лицо соучеников. Их подлость пугала и одновременно приводила его в ярость.

По совести говоря, Ли Ханьсин, будучи преемником Города Семи Звезд, всегда горой стоял за своих. Иначе не бросился бы спасать ту девчонку из Башни Сияющего Нефрита. Но соученики безучастно смотрели на его падение, а при первой возможности безжалостно предали. От их лицемерия тошнило.

Ли Ханьсин медленно выдохнул.

— Пилюля Возврата... действительно творит чудеса, — прошептал он.

Вся его жизнь до этого момента шла как по маслу. С самого рождения он ни в чём не знал отказа, владея сокровищами, о которых простые смертные не смели и мечтать. Да и талантом Небеса его не обделили — истинный баловень судьбы. Если бы не катастрофа, он бы никогда не узнал, сколько яда таится в душах его вчерашних братьев по оружию.

— Молодой господин, ваша сила ещё не окрегла, — засуетился Ли Го. — Присядьте, помедитируйте.

Ли Ханьсин согласно кивнул:

— И нужно поскорее сообщить Цзян Сяочжоу...

Закончить мысль он не успел. Снаружи бахнуло так, словно раскололось небо. Ли Ханьсин сперва решил, что это опять развлекается с тренировками Люйло, но испуганный вскрик заставил его вздрогнуть. В то же мгновение деревянная стена с треском разлетелась в щепки, и прямо к его ногам рухнуло чьё-то тело.

— Люйло?! — ахнул Ли Ханьсин, бросаясь к нему.

Снаружи донёсся мягкий, почти ласковый голос:

— Двенадцать Башен Белой Яшмы вершат свои дела. Выходите и покорно примите смерть.

Двенадцать Башен Белой Яшмы?! В груди Ли Ханьсина вспыхнул гнев. Кое-как подняв израненного Люйло, он вышел во двор. Посреди него застыли две фигуры. Первый — белокурый, со странно молодым, гладким лицом. Второй — с ног до головы укутанный в плотную чёрную ткань, бесплотный, словно тень.

Обоих окутывала плотная, удушливая аура неприкрытой жажды крови.

Ли Ханьсин переглянулся со своим слугой. Неужели ищейки Белой Яшмы добрались до их убежища?

К этому времени во двор уже поспешили Цзян Сяочжоу и Смысл Бренного Мира. Старый Лю забрал покалеченного Люйло из рук молодого господина и торопливо влил в его тело струйку спасительной духовной энергии.

Белокурый небрежно ткнул пальцем в сторону Цзян Сяочжоу и остальных.

— Цан, гляди-ка, их тут целых шестеро, — хохотнул он. — И кто же из этой оравы наша цель?

Чёрный силуэт, названный Цаном, не проронил ни слова.

Смысл Бренного Мира недовольно изогнул бровь:

— И зачем почтенные господа пожаловали в мою Долину Бренного Мира?

— Убивать, — глухо отозвался Цан из-под капюшона.

— И кого же? — прищурился хозяин долины.

— Всякого, кто посмел оскорбить Двенадцать Башен Белой Яшмы.

Ли Ханьсин решительно выступил вперёд.

— Старший, они ищут меня, — твёрдо произнёс он, не желая подставлять под удар остальных. Сила незваных гостей пугала — оба были как минимум на стадии Зарождающейся Души.

Люйло кое-как пришла в себя благодаря помощи наставника. Стерев тыльной стороной ладони кровь с губ, он хрипло хохотнул:

— Больно ты прыткий. Назад сдай, не мешай дышать.

Цзян Сяочжоу насутился. Короткого взгляда на Старого Лю хватило, чтобы подтвердить догадку: призраки из Двенадцати Башен Белой Яшмы всё-таки раскопали их след.

— Старший, это наше дело. Позвольте нам самим во всём разобраться, — негромко обратился Цзян Сяочжоу к Смыслу Бренного Мира.

Хозяин долины лишь хмыкнул в усы.

— Ишь, герои выискались. Предлагаешь мне покорно стоять в сторонке и смотреть, как вас режут на моем собственном дворе?

Цзян Сяочжоу мысленно вздохнул, оглядывая их отряд. Собище калек, стариков и недопесков. Против двух первоклассных палачей это действительно походило на самоубийство.

Белокурый притворно-сочувственно улыбнулся:

— Да вы не спорьте, милые. Я сегодня на редкость милосерден — убью вас всех разом. На пути к Жёлтому Источнику хоть скучно не будет.

— Врагов у меня больше, чем блох на бродячей собаке, — зло бросила Люйло, сплёвывая кровь.
— Про ваши сраные Башни я вообще впервые слышу. Так чем я вам дорогу перешла?

— Башня Ветра и Песка, — глухо выплюнул Цан.

И в ту же секунду, без малейшего замаха, ледяной всполох вспорол воздух, нацелившись прямо в лоб Люйло.

Старый Лю среагировал быстрее мысли: рванув парня на себя, он чудом уберёг его от верной гибели. Безжалостный клинок лишь рассёк воздух в волоске от его лица. Только сейчас Цан явил противникам руку — мертвенно-бледную, иссушенную, похожую на костяную клешню. В ней он сжимал оружие причудливого вида: длинную, иссиня-чёрную полосу металла без гарды и рукояти, по лезвию которой струилось едва заметное багровое свечение.

— Мой клинок зовётся Клык, — ровно произнёс Цан, не выказывая ни капли досады из-за промаха. Он медленно поднял чёрную сталь перед собой. — Почтите его своей кровью.

Белокурый издевательски фыркнул:

— Шустро скачете! А ну-ка, отведайте вот этого!

Клубящийся молочно-белый туман мгновенно соткался из воздуха, отрезая Люйло и наставника от остального двора. Парень яростно оскалился и наотмашь рубанул кулаком — воздух свистнул от сокрушительной силы удара, но вязкая взвесь даже не всколыхнулась.

В ту же секунду Старый Лю почувствовал, как из каждой поры его тела стремительно утекает духовная энергия, сменяясь тупой, изнуряющей болью.

— Люйло, назад! — хрипло закричал он. — Этот туман пожирает ки!

Люйло и сам ощутил, как тяжелеют его меридианы, словно в них залили свинец. Движения сделались вязкими, непослушными. Рыкнув, он резко отвел руку назад и ударил снова — на этот раз выплеснув всю ярость без остатка. Волна чистой силы вспорола плотную завесу, разорвав туманную пелену узким коридором.

— Цан! — подал голос белокурый.

Клык отозвался на призыв тонким, предвкушающим звоном. Словно соткавшись из теней, убийца беззвучно скользнул сквозь брешь в тумане, устремляясь к Люйло, который едва держался на ногах после разрушительного выпада.

Парень даже не подумал отступить. Яростно оскалившись, он пошел на таран, выскребая из истощённого тела последние капли духовной энергии.

Видя, что Люйло исходит кровью и вот-вот рухнет, Цзян Сяочжоу стремительно сложил пальцы в тайный жест. Он сосредоточил всю ментальную силу, пытаясь нащупать связь с кровью, бегущей в жилах убийцы. Цан превосходил его по силе на целую голову, добравшись как минимум до пика Зарождающейся Души, поэтому Сяочжоу пришлось выложиться без остатка, чтобы подчинить себе чужой кровоток и превратить его в лезвие внутри чужого тела.

Чёрный Клык с жадным причмокиванием слизывал алую влагу с его ран, но парень, несмотря на страшные порезы, не сделал ни шагу назад, упрямо преграждая убийце путь.

Цан работал как холодная, безупречно отлаженная машина смерти. Каждое движение его Клыка метило точно в уязвимые точки. Огромный боевой опыт подсказывал ему, что этот упрямец уже выдохся.

Убийца фиксировал духовным зрением каждое движение жертвы.

«Предыдущий выпад должен был лишить его руки, если бы не прочный доспех. Впрочем, неважно. Клык уже знатно его потрепал. Обильное кровотечение сделает своё дело, к тому же раны, нанесённые моим клинком, невозможно затянуть духовной силой. Тринадцать глубоких порезов: шея, висок, запястья, грудь, живот...»

Для ничтожного практика стадии Слияния его воля к жизни и боевое чутье были поразительны.

Но на этом сказка подошла к концу.

Достаточно одного точного удара. Цан уже нацелил острие прямо в её беззащитный лотосовый трон.

«Замри!»

Раздался мерзкий звук рвущейся плоти. Цан внезапно застыл как вкопанный, пронзенный изнутри острой вспышкой боли. Он медленно опустил голову: из его живота наружу торчал узкий, соткавшийся из багровой крови шип, пробивший плотную ткань одеяний.

— Каков наглец! Хорош приёмчик! — Белокурый мерзко захихикал, и его голос перерос в истошный визг. — Получай!

Белоснежный серп сжатого воздуха со свистом полетел в Цзян Сяочжоу. Юноше пришлось кувыркком уйти в сторону, спасая жизнь, из-за чего хрупкая ментальная связь с чужой кровью мгновенно оборвалась.

— Сначала кончай этого ублюдка! — приказал белокурый.

Цан наотмашь пнул Люйло, отбрасывая его в сторону, и коршуном бросился на Цзян Сяочжоу.

Сквозная рана в животе не могла остановить опытного практика, но знатно его разозлила. Цан с ледяным прищуром следил за прыжками уворачивающегося юноши. Он вскинул Клык, посылая вслед Цзян Сяочжоу дугу иссиня-чёрной энергии, но на пути смертоносного росчерка вдруг возник окровавленный кулак.

Люйло, весь покрытый рваными ранами и сочащийся кровью, едва держался на ногах, но всё же заслонил собой товарища. Он дико, безумно оскалился, глядя в лицо убийце:

— Куда намылился, тварь?.. Я ещё жив.

В душе Цана шевельнулось раздражение. Этот парень был слишком слаб, чтобы ранить его, но его упрямство не позволяло покончить с ним быстро.

«Он же изорван в клочья. Едва стоит. Зачем так цепляться за жизнь и терпеть эту боль? Почему не подохнуть тихо и спокойно?»

— Моя мать перед смертью успела сказать мне лишь одно... Живи, — просипел Люйло.

Он со стоном заставил изломанное тело двигаться. Кости рук жутко захрустели, суставы встали на место, а кулаки окутало изумрудное сияние духовной энергии. Сделав глубокий вдох, он рванулся на врага — точно так же, как делал это тысячи раз во время изнурительных тренировок.

— И мою жизнь никто у меня не отберёт!

Клинки белого ветра, сотворенные вторым убийцей, сыпались со всех сторон, увернуться от них было почти невозможно.

Цзян Сяочжоу метался из стороны в сторону, огрызаясь сгустками Пламени Сердца Лотоса в надежде вымотать врага. Увы, разница в культивации была непреодолимой пропастью: белокурый даже не замечал этих слабых выпадов.

Единственным утешением было то, что сам он ещё не растратил духовные силы. Искусство Долгой Воды могло бы спасти положение, но для подготовки столь мощной техники требовалось время, которого у него не было.

— Цзян Сяочжоу! — вдруг громом прогремело над двором.

Обернувшись, юноша увидел Ли Ханьсина. Тот сжимал в руках огромный, хищный лук, который до этого Ли Го послушно таскал на спине. Молодой господин изо всех сил натягивал непокорную тетиву, пока слуга трясущимися руками вкладывал стрелу в ложе. Лицо мальчика было бледнее мела от страха.

— Молодой господин, пощадите себя! Вы же едва вернули культивацию, вам нельзя использовать Стрелу Погони за Душой! — взмолился Ли Го.

Ли Ханьсин пропустил мольбы мимо ушей. Он хладнокровно положил на тетиву длинную стрелу с алым оперением. В этот миг он стал пугающе спокоен, но вздувшиеся на руках вены и бешено пульсирующие меридианы выдавали, какую страшную цену он платит за этот выстрел.

Едва восстановившееся Золотое Ядро в его груди жалобно затрещало, готовое в любую секунду разлететься в пыль. Натянув тугую тетиву до самого уха, Ли Ханьсин беззвучно зашептал слова заклинания. Алое оперение окутал леденящий душу туман духовной энергии, и в следующую секунду стрела со свистом сорвалась с ложа.

Целью выстрела был Цан.

Убийца, поглощённый схваткой с Люйло, внезапно замер. Животный инстинкт выживания, возвращённый в сотнях смертельных схваток, заставил его волосы на затылке встать дыбом. Цан

резко отпрянул назад, и в ту же секунду его зрение зафиксировало стремительно приближающийся алый луч, похожий на каплю свежей крови.

Стрела Погони за Душой с визгом пронеслась в волоске от его виска. Но радоваться было рано: алый снаряд на миг завис в воздухе, резко развернулся и вновь устремился к жертве.

Стрела Погони за Душой никогда не знала промаха — она не остановится, пока не пронзит плоть врага.

Цан окаменел. Осознав неизбежность, он крепче сжал Клык и сам ринулся навстречу летящей угрозе, пытаясь перерубить её в воздухе.

Раздался влажный хруст. Стрела безжалостно вошла ему точно в живот, пробила тело насквозь и окровавленным наконечником вырвалась из спины.

Белокурый замер, спрятав руки в широкие рукава.

— Стрела Погони за Душой... — протянул он с холодным любопытством. — Значит, слухи не врут. Ты действительно выжил, преемник Башни Пяти Стихий и Семи Звёзд, Ли Ханьсин.

Сам Ли Ханьсин после выстрела выглядел краше в гроб кладут. Он окончательно побледнел, ноги его подкосились, а в каналах не осталось ни капли духовной энергии. Очевидно, использование такой реликвии потребовало от него непомерной цены.

— Какая славная игрушка, — осклабился белокурый, заметив его слабость. — Что ж, улов сегодня превзошёл все ожидания. Когда мы закончим с этой швалью, я заберу тебя с собой. Мастеру Гуйляню как раз нужен новый породистый сосуд для парного совершенствования.

— Интересно, какое выражение лица будет у твоего грозного папаши, когда он узнает, что его любимый сынок стал дешёвой грелкой для чужой постели?

— Премного благодарен за столь лестную оценку, — Ли Ханьсин слабо усмехнулся. Он медленно протянул руку к слуге.

— Молодой господин, нет! — в слезах закричал Ли Го. — Вы не переживёте второй выстрел!

— Ты прав, — прошептал Ли Ханьсин. Он сам выхватил из колчана вторую стрелу и дрожащими пальцами зацепил её за тетиву. — Прежний я испустил бы дух на месте. Но сегодня...

Тетива оглушительно запела, отправляя снаряд в полет. В то же мгновение Ли Ханьсин тяжело закашлялся, и хлынувшая изо рта кровь густо окропила летящее древко. Юноша без сил повалился на плечо Ли Го, мгновенно лишившись чувств.

Стрела Погони за Душой летела подобно черной молнии, несясь вперед разинутой пастью голодного зверя. Шлейф первозданной жажды убийства тянулся за ней, и там, где проносилось древко, воздух темнел, словно снаряд впитывал в себя сам солнечный свет.

И этот смертоносный росчерк летел точно в сердце белокурого.

<http://bllate.org/book/20178/2238183>